

4 августа 1986 г., Севастополь

— На декабрьскую секцию Учёного Совета ИЗМИРАН я поехал, главным образом, для того, чтобы окончательно сдать Симакову в редакционно-издательский отдел все бумаги, связанные с заявкой нашей с Б.Е. монографии (саму заявку, план-проспект, аннотацию, утверждённое директором решение секции, отзывы Беньковой, Михайлова и Калинина - всё отпечатанное по форме в пяти экземплярах, подписанное и с печатями, чего я не успел сделать в прошлый раз). Симаков меня за бумаги похвалил и сказал, что всё остальное берёт на себя - пойдёт в РИСО пробивать заявленный объём (35 авторских листов).

— Кроме того я собирался поговорить с Михайловым по поводу диссертации Суроткина. После предзащиты на секции она была представлена в Учёный Совет, который утвердил оппонентов - Михайлова и Ситнова, и ведущую организацию - ИГУ, после чего экземпляры диссертации были переданы оппонентам. Защита ориентировочно предполагалась в феврале - марте.

— Михайлов получил диссертацию Суроткина где-то в ноябре (после защиты Татьяны и наших с ним контактов по поводу отзыва на диссертацию Власова) и, прочитав, позвонил мне в Калининград.

— Слушай, - сказал он мне по телефону, - на меня работа Суроткина произвела шокирующее впечатление.

— Так понравилась?

— Да нет. Скорее наоборот.

— А что такое?

— Нет обзора, слишком общее название, формулировки неточные или даже ошибочные, да и в самой работе я многого не понял. В некоторые результаты я просто не верю. Пусть он подъедет ко мне и объяснит, да возьмёт с собой распечатки результатов - мы вместе посмотрим, графики построим.

— Ты что, не веришь, что ли, рисункам в диссертации?

— Просто хочу проверить, мне интересно распечатки посмотреть. И потом ещё: не мог бы он просчитать ещё пару вариантов - с постоянным электрическим полем амплитудой так около 1 мВ/м и без электрического поля вообще?

— В принципе, наверное, мог бы. Но ведь в диссертацию это уже не войдёт. Ты должен оценить то, что есть.

— Мне хочется разобраться, и эти варианты мне помогли бы.

— Ладно, я передам Суроткину. И потом я сам скоро буду в ИЗМИРАНе, постараюсь с тобой увидеться, а после, если понадобится, и Суроткин подъедет.

— Договорились.

— Содержание этого разговора я тут же передал Суроткину. Тот, конечно, не обрадовался.

— Часть замечаний, безусловно, справедливая, - сказал я ему. - Ты сам об этом знаешь, я тебе то же самое говорил. Но он не понял и основного - механизма появления расслоений, их связи с байт-аутом. Похоже, что он вообще не верит в их реальность, поэтому и требует распечатки, и просит новые варианты посчитать. Думаю, что тут без Никитина не обошлось, тот ему, наверное, все уши прожужжал, что наши расслоения - это численные штучки: неустойчивость численная или погрешности интерполяции.

— Очень может быть, - согласился Суроткин. - У них ведь с Кашенко расслоения не получаются. Ну так что теперь делать?

— Сначала я сам с ним поговорю, выясню конкретнее, что именно ему не нравится. А потом, если он будет настаивать, ты поедешь и будешь свои результаты защищать. С распечатками в руках, как он хочет.

— А эти дополнительные варианты?

— Я думаю - надо посчитать. Как оппонент, он не имеет права требовать от тебя никаких дополнительных расчётов, а ты - что-либо исправлять в диссертации или добавлять в неё после того, как она принята Советом к защите. Но не стоит на это упираться. Оппоненту положено угождать. Да и варианты эти интересные, их и в самом деле следовало бы просчитать.

— На том и порешили: Суроткин поедет к Михайлову, когда посчитает для него то, что он просит, а я встречу с Михайловым раньше и постараюсь часть вопросов снять.

— Приехав в ИЗМИРАН, я до встречи с Михайловым зашёл к "соруководителю" Суроткинской диссертации Коломийцеву и рассказал о телефонном разговоре с Андреем. Коломийцев возмутился:

— Засранец он, а не оппонент! Стал доктором и выкобенивается. Какие ему к чёрту распечатки нужны и новые расчёты? Не имеет права! Дали ему диссертацию, пусть читает и пишет отзыв, и в нём все замечания высказывает!

— Но он хочет по существу разобраться. Говорит, что не понимает.

— Чего же он раньше не разбирался, если он такой интересующийся? Работы наши давно опубликованы, мы выступали с ними на тех же конференциях, где и он бывал. Чего же он там вопросы не задавал? А вот оппонентом стал - заинтересовался! Я против того, чтобы ему потакать. Пусть пишет замечания в отзыве.

— Эмоционально я был солидарен с Коломийцевым, но не согласился с ним в том, что не следует идти Михайлову навстречу.

— Жалко, что ли, распечатки показать? И варианты разумные, пусть посчитает Суроткин, если только время ему дадут в КТИ. Зачем на рожон переть? Суроткин, сам знаешь, какой боец, словами не отбрешется.

— И сошлись мы с Коломийцевым ещё в том, что рецензию отрицательную на нашу статью про байт-аут для "Геомагнетизма и Аэрономии" наверняка Андрюша писал. Ну, да Бог с этим, мы уже запустили в печать препринт и отправили статью в "Радиофизику".

— С Андреем Михайловым наш разговор начался с того, что он спросил:

— Ваш Суроткин, что - гений? Такие тоненькие диссертации только гениям дозволено писать.

— А ты этим недоволен? Тебе же меньше читать. Ну, давай по порядку, что тебе не понравилось.

— Не понравилось Андрюше, к моему удивлению, многое. Прочитал он диссертацию, видно было, тщательно, и многие страницы были испещрены его карандашными пометками с вопросительными и восклицательными знаками. За обсуждением его замечаний мы провели полдня, доспорившись до изнеможения и хрипоты.

— Оба увлекались и потратили много времени на замечания несущественные, за которые бороться не следовало бы ни тому, ни другому: Андрей без ущерба своей общей оценке работы мог бы от них и отказаться, а я с тем же успехом - с ними согласиться, но оба горячились и доказывали свою правоту.

— По принципиальным вопросам кое в чём я Андрюшу убедил, но для окончательного своего успокоения он настаивал на распечатках и новых вариантах. Я обещал ему, что распечатки Суроткин привезёт, а новые варианты посчитает, если сумеет - тут от него меньше зависит, чем от состояния 35-й машины в КТИ, где он обычно считает. Бывает, что месяцами посчитать ничего не удаётся.

— От разговора с Андреем у меня остался неприятный осадок: он вёл себя так, словно делал одолжение нам с Суроткиным, взявшись оппонировать такую слабую работу, и я теперь жалел, что снисходительно отнёсся к слабостям Татьяниной работы, аккуратной, добросовестной, скрупулёзной, но мелкой и не содержащей новых результатов.

— Работу Суроткина я ставил несомненно выше, хотя и признавал её слабости, и поражался - неужели Андрей и в самом деле считает её ниже Татьяниной? Впрочем, а почему бы и нет? У нас с Андреем совершенно разные стили работы, разный подход и отношение, например, к сопоставлению результатов расчётов и наблюдений, к оценкам их

совпадения или несогласия.

— Я - сторонник прежде всего качественного понимания (школа Б.Е., Славы Ляцкого и Юры Мальцева), а Андрей - количественного совпадения, к которому, на мой взгляд, в геофизике нужно относиться очень осторожно по причине ненадёжности измерений и изменчивости среды.

— И ведь Андрей сам выпускал диссертацию Серебрякова, которая по стилю гораздо ближе к Суроткинской, чем к Татьяниной. Я оппонировал на защите Серебрякова, и его работа мне очень понравилась. Отчего же Андрею не нравится сходная по духу работа Суроткина? Или, в самом деле, он просто не понимает результатов по их физике, так они плохо изложены?

— Кстати, во время нашего спора с Михайловым заглянул Никитин - он тут ошивался в отделе Черкашина по своим делам, и сочувственно так мне кивнул: соболезную, мол; видишь, не зря я на вас в Иркутске напал, и Андрею ваши результаты не нравятся. Сам, небось, Андрея и подзуживал, он ведь на Михайлова с Даниловым по договору с ИПГ работает.

— Этими вот неожиданными заботами - а до сих пор я не сомневался в положительном отзыве Михайлова на диссертацию Суроткина - и закончился 1985-й год.

— К ним добавилась ещё полная неопределённость с моим зятем. Опять с ним что-то стряслось, ни писем, ни звонков. Иринка подозревала, что он совсем зашился и бросил учёбу. Родители его испереживались, отцу в море надо уходить, а что с сыном - неясно. Ясно только, что ничего хорошего.

([продолжение следует](#))

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)